

ФЕТ И М. А. БУЛГАКОВ: ТЕМА ПОСМЕРТНОГО БЫТИЯ И ПОЭТИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ

Творческое влияние Фета на поэзию современников и последователей — Мережковского, Бунина, Блока — достаточно очевидно, в то время как его влияние на прозу современников и писателей следующих поколений изучено в меньшей степени, и само значение этой рецепции еще не вполне осмыслено, хотя оно имеет, по-видимому, мировоззренчески-важный характер. Чем дальше продвигается изучение творчества Фета, тем очевиднее становится философская составляющая его поэзии, способной в эпиграмматически-краткой, отточенной форме воплощать сложнейшие, онтологически-глубокие идеи.

Достаточно привести несколько примеров. У Л. Толстого в «Анне Карениной» возможность выхода из кризиса, обретения смысла жизни приходит к Левину в контексте фетовских образов: герой лежит «на стоге сена ночью южной, лицом ко тверди» — и чувствует, что он тоже часть вселенной, его жизнь таинственно связана с ней и полна высокого смысла.

У Бунина в «Жизни Арсеньева» строки Фета «Какая грусть! Конец аллеи / Опять с утра исчез в пыли, / Опять серебряные змеи / Через сугробы поползли...» становятся пробным камнем поэтического вкуса. Героиня, исповедующая идеи «общественной пользы», «служения народу», проявляет эстетическую глухоту, не понимая этого стихотворения. Именно строки Фета «Какая холодная осень!» повторяют герои бунинского рассказа «Холодная осень» в 1914 году, видя в них не просто поэтическую картину вечера, но тревожный, трагический смысл, предчувствуя вечную разлуку и грядущую катастрофу, надвигающуюся на Россию.

На этом фоне представляется вполне вероятным, что фетовская философская поэзия могла повлиять и на один из самых знаменитых романов XX века — роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Проблема интертекстуальных связей творчества Булгакова, особенно его романа «Мастер и Маргарита», постоянно привлекает внимание исследователей. Как справедливо отмечено, количество ассоциаций с произведениями художественной литературы, возникающих при чтении отдельных глав, сцен и эпизодов романа, приближается к «бесконечному числу».¹ Тем не менее существуют еще не найденные литературные параллели, выявление которых способствует обретению дополнительных, скрытых смыслов булгаковского текста. Один из таких примеров связан с знаменитой финальной сценой романа, где Воланд награждает Мастера «покоем», потому что, по мнению Иешуа и Левия Матвея, он не заслужил «света».

Предпринятые исследователями поиски определенного источника этого таинственного места продемонстрировали широкий литературный контекст бытования идеи «покоя». Впрямую ни Библия, ни Евангелие не дают непосредственного материала. Б. В. Соколов связывает булгаковский «покой» с рассказом из апокрифической *книги Еноха*, где после конца света уготован вечный приют «праведным и избранным»: «...праведным Он уготовит мир и будет охранять избранных, и милость будет господствовать над ними; они все будут Божиим, и хорошо им будет, и они будут благословлены, и свет Божий будет светить им. <...> Для избранных же настанет свет, и радость, и мир, и они наследят землю; а для вас, нечестивые, наступит проклятие» (Енох, 1: 8, 20).² Однако у Еноха нет противопоставления покоя и света, праведные заслуживают и того, и другого.

Л. Яновская отмечает, что булгаковский образ покоя восходит к русской поэзии.³ Это прежде всего пушкинское «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит <...> На свете счастья нет, но есть покой и воля. <...> Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег». Но покой Пушкина исполнен динамики: это побег в поисках свободного творчества и красоты и — речь идет о долгием, а не о горнем счастье.

Некий посмертный сон-бытие ассоциируется и с лермонтовскими образами: «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!

¹ Лескис Г. А. Триптих М. А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. М., 1999. С. 238.

² Соколов Б. В. Расшифрованный Булгаков: Тайны «Мастера и Маргариты». М., 2006. С. 313.

³ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 313.

<...> Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел». Л. Яновская приводит и цитату из раннего Лермонтова: «Оборвана цепь жизни молодой, / Окончен путь, бил час, пора домой, / Пора туда, где будущего нет, / Ни прошлого, ни вечности, ни лет»,⁴ однако в последнем случае сходство лишь внешнее, стремление «домой» для героя — это уход в смерть, причем в настроении отчаяния. В обоих случаях в лермонтовской посмертной жизни нет и речи о круге близких друзей-единомышленников, творчестве, любви.

Более явственным источником предстает «Божественная комедия» Данте. Посмертное бытие — без благодати и небесного сияния, но в покое — описывается в четвертой песни «Ада», в первом круге — Лимбе, где нашли свой вечный дом добродетельные нехристиане: там присутствует и родник-ручей, и зеленый луг, и сад. Но это инобытие общественное: огромный замок окружен семью стенами, Данте проходит через семь ворот, он видит толпы античных философов, поэтов, полководцев, мифологических героев. Посмертная награда Мастера скромнее, его мир более частный, камерный. Нет у Данте и мотива покоя как награды, покоя-забвения, отдыха от земных страданий.

Между тем до сих пор осталось неотмеченным стихотворение А. А. Фета «О нет, не стану звать утраченную радость...», которое, возможно, является непосредственным литературным источником одного из важнейших эпизодов булгаковского романа.

В романе Воланд обещает убитому и воскрешенному для инобытия Мастеру, что тот будет «днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта». Маргарита вторит Воланду: «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. <...> Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. <...> ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро»; «...мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать».

Приведем стихотворение Фета:

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее, безумную любовь.

---

⁴ Там же.

Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву загорев горячую одну:
Пусть тот осенний ветер мой погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пусть с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь,

Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.

Быть может — вечно вдаль с надеждой смотрят очи! —
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещей муз.

Там наконец я все, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.⁵

Уже в первой строфе звучит фаустовская тема, сближающая Фета с Булгаковым: лирический герой Фета как будто бы полемизирует с героем Гёте («О, нет!»), которому в начале трагедии еще хочется изведать земных наслаждений — молодости, буйства, земной любви. Герой Фета ближе к Фаусту финала второй части.

Литературоведение единодушно отмечает, что у Булгакова едущий рядом с Воландом Мастер обретает черты Фауста: «Волосы его белели теперь при луне и сзади собирались в косу <...>». Стоит добавить еще один, более важный штрих: Воланд обещает, что Мастер будет «писать при свечах гусиным пером». Эта деталь не случайна: «гусиное перо» могло у читателя прямо ассоциироваться с творцом «Фауста». Уже к середине XIX века «перо Гёте» обрело символический смысл в русской культуре, оно обозначало духовную преемственность русской литературы. По многочисленным свидетельствам современников (П. В. Анненков, П. В. Нащокин, Мария Шимановская), перо Гёте было подарено В. А. Жуковскому для молодого Пушкина и тот сшил для него особый красный сафьяновый чехол.⁶ Отсылки к Гёте нередки

---

⁵ *СлП* 1986. С. 77–78.

⁶ См., например: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 192–193.

в лирике Фета, он был переводчиком «Фауста»; важную роль играют они и у Булгакова.

Достаточно многое роднит булгаковский текст со стихотворением Фета: герой Фета — человек с большой душой, утомленной борьбой; он жаждет спокойной смерти, но затем, после смерти, он просит о даровании инобытия («очнись вдали»). «Безымянная речка», «немая», то есть лишенная живых звуков степь — явные признаки загробного мира, но это, как затем и у Булгакова — мир ожившей идиллии. Вместо цветущих вишен у Фета спорящие друг с другом красотой весеннего убора (то есть цветущие) яблони и сливы (в более раннем варианте 1936 года у Булгакова также упоминались яблоки: «яблоками будут пахнуть комнаты дома»)⁷. Фетовский герой любит мирным идиллическим пейзажем — тучка, тихая речка с поникнувшей над ней ивой, пчела, и, наконец, в жизни после смерти его ждет союз друзей-единомышленников, с чистыми сердцами, с чуткой душой, людей искусства, не чуждых музам. В этом ином мире герой Фета надеется обрести исполнение всех земных желаний, и прежде всего — обрести душевный покой — и только после этого может осуществиться окончательный уход в вечность человека, примирившегося с миром, судьбой и собой.

Сопоставление со стихотворением Фета должно пролить свет на сущность посмертного удела, отпущенного Мастеру, испытавшего в современном литературоведении множество различных толкований. Он не просто «не заслужил света», он действительно не может войти в горную обитель, ибо он, сломленный невзгодами, отказался от счастья с любимой женщиной, сжег свое произведение, отрекся от возможности творчества. Не надеется он и на помощь высших сил, отворачиваясь от них. Этой больной, измученной душе, никому и ничему не верящей, замкнувшейся в себе, Иешуа может предложить единственную возможность — попытаться обрести душевную гармонию, примириться с Небом и судьбой.

Стоит заметить, что стихотворение Фета появилось в 1857 году, в драматический момент его жизни, чем-то напоминающий положение Мастера. Фет к этому времени пережил потерю фамилии, дворянского звания, российского гражданства, почти полностью отказался от поэтического творчества из-за многолетней службы в армейском полку в глуши Херсонской губернии, где не только книг — газет и писем не получали неделями, оказался в абсолютном духовном одиночестве, наконец тяжело пережил гибель возлюбленной — Марии Лазич, любовь которой он отверг, ибо не хотел обречь ее на нищету и безысходность. Через два года Фета как певца чистого искусства, далекого от народа,

---

⁷ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. С. 309.

откажутся печатать почти все отечественные журналы. О мировоззренческом отчаянии, временами охватывавшем Фета, говорит его ответ на анкету, однажды предложенную ему дочерью Л. Толстого Татьяной: «Какое настроение души вашей в настоящее время? — Пустыня». «Долго ли бы вы хотели жить? — Наименее долго».⁸

Не существует свидетельств о каком-то особенном отношении Булгакова к Фету, но писатель мог заимствовать фетовскую картину инобытия неосознанно, из насыщенного культурного контекста эпохи. В большинстве сборников Фета раздел, в котором находилось стихотворение, «Элегии и думы», шел первым, и оно невольно попадалось на глаза всякому, кто брал сборник в руки.

Важно отметить и то, что нарисованная Фетом картина тоже имеет свой отдаленный первоисточник: она выстроена по рецепту его любимого античного писателя — Горация.⁹ Фет — автор первого в России полного перевода Горация, за который он получил Пушкинскую премию, стал членом-корреспондентом Академии наук.

Жизнь без бурных страстей, без неистовых содроганий души, скромное существование вдали от власти, в гармонии с собой и с природой, маленький круг друзей и творчество — вот идеал «золотой середины», которого сумел достичь Гораций, о котором он пишет в одах, сатирах, посланиях. Так, например, он пишет в сатире II, 6: «Вот в чем желания были мои: необширное поле, / Садик, от дома вдали непрерывно текущий источник, / К этому лес небольшой...» Там, в Сабинском имении, поэт счастлив, «скрывшись от шумного города в горы мои как в твердыню», он беседует с Музой и ведет возвышенные разговоры с просвещенными друзьями.¹⁰ Безусловно, идиллический мир «покоя», данный в награду Мастеру, связан с этими горацианскими образами. В киевской гимназии Булгаков должен был познакомиться с Горацием. Но у римского поэта достижение гармонии не представляет такой мучительной проблемы, как у героев Фета и Булгакова. Отрешившийся от бурной молодой оппозиционности, Гораций примирился с властью, благодарен Мecenату, доволен своей судьбой.

Фет в 1857 году мог только мечтать о такой земной участи, но он был сильным человеком, переборол судьбу — и осуществил свой идеал в 1860 году, купив хутор Степановку, стал одним из первых русских

⁸ *Фет* А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2: Проза / Подг. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. С. 435—436.

⁹ О воплощении горацианского идеала в судьбе Фета см. подробнее: *Успешная А. В.* Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи. СПб., 2008. С. 253—273.

¹⁰ *Гораций*. Собр. соч. СПб., 1993. С. 274.

фермеров и в трудах обрел горацанское счастье, или по крайней мере душевный покой и возможность примириться с судьбой.

Булгаков — писатель более жестокого, XX века. Его Мастер только после смерти получает покой — возможность примириться с жестоким и иррациональным миром, простить его и забыть. Высшие силы, к которым апеллировал и фетовский лирический герой, награждают обоих более счастливым посмертным бытием, а творчество их — поэтическим бессмертием.